

Ссылка для цитирования этой статьи:

Бегова Д.Я., Саидов Г.С. Проблемы деятельности прокурора в уголовном процессе Российской Федерации: модель, риски, направления реформирования // Human Progress. 2025. Том 11, Вып. 11. С. 18. URL: http://progress-human.com/images/2025/Tom11_11/Begova.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2025-11a-25.

ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: МОДЕЛЬ, РИСКИ, НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Бегова Динара Якубовна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Юридический институт,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Российская Федерация

Саидов Гаджи Сайгидович

магистрант,
Юридический институт,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается современная модель участия прокурора в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и выявляются противоречия между декларируемыми целями процесса и реальным распределением процессуальных полномочий. На основе анализа научной литературы, уголовно-процессуального законодательства и практики деятельности прокурора обосновывается существование «функционального дуализма» его статуса, проявляющегося в совмещении функций уголовного преследования, участия в доказывании, надзора за законностью и своеобразного медиаторства между публичными и частными интересами. Показано, что фрагментация полномочий, ведомственная регламентация и перераспределение следственных функций приводят к размыванию ответственности прокурора, особенно на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, а также снижают уровень гарантий прав личности и предпринимателей, вовлеченных в уголовный процесс. Анализируется участие прокурора в судебных стадиях с точки зрения реализации принципов законности и состязательности, а также влияния ведомственных ориентиров на формирование его процессуальной позиции. Отдельное внимание уделяется воздействию цифровизации уголовного судопроизводства на характер прокурорской деятельности. Делается вывод о необходимости выработки целостной

концепции статуса и функций прокурора как публичного гаранта законности, предполагающей структурирование его участия в досудебном производстве, усиление процессуальной независимости в суде и развитие правозащитного потенциала в отношении наиболее уязвимых категорий участников процесса.

Ключевые слова: прокурор; уголовное судопроизводство; функции прокурора; процессуальный статус; государственное обвинение; досудебное производство; прокурорский надзор; публичный интерес; права предпринимателей; цифровизация уголовного процесса.

Введение

Современная модель участия прокурора в уголовном процессе Российской Федерации демонстрирует устойчивое противоречие между декларируемыми целями уголовного судопроизводства и реальным распределением процессуальных полномочий. С одной стороны, законодатель закрепляет за прокурором ключевые функции в сфере уголовного преследования и надзора за соблюдением законности, с другой — усиливается тенденция к фрагментации его статуса и размыванию границ ответственности на различных стадиях процесса. Это порождает комплекс проблем, затрагивающих как эффективность расследования и судебного разбирательства, так и уровень гарантий прав личности. Осмысление этих противоречий требует обращения к доктринальным моделям функций прокурора, разработанным в отечественной научной литературе, а также к сравнительно-правовому анализу и оценке реальных процессуальных практик.

Исследование и результаты

Отправной точкой анализа выступает вопрос о функциях прокурора в уголовном судопроизводстве и их соотношении с назначением самого процесса. Исследователи, обращающиеся к данной проблематике, исходят из того, что нельзя свести деятельность прокурора лишь к поддержанию государственного обвинения либо к абстрактному надзору за законностью. В работах А.Р. Сафиной и Ю.А. Авагимовой подчеркивается, что функции прокурора должны рассматриваться в системной связи с целями уголовного судопроизводства, закрепленными в УПК РФ: защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, охраной личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [1], [3]. При этом выдвигается тезис о многослойности функций прокурора: он одновременно выступает субъектом уголовного преследования, участником доказывания, гарантом законности и

своеобразным медиатором между интересами государства и частными интересами участников процесса.

Однако такая функциональная многослойность не является нейтральной: она порождает эффект «дуализма» статуса прокурора. На это указывает И.Ю. Мурашкин, обращая внимание на то, что прокурор одновременно включен в систему ведомственного контроля за деятельностью следственных органов и является стороной в состязательном процессе, представляющей обвинение в суде [5]. Н.С. Манова, развивая эту мысль, говорит о необходимости переосмысления модели деятельности прокурора, поскольку действующее распределение полномочий, в том числе после реформы предварительного расследования и перераспределения следственных функций, приводит к разрыву между формально закрепленными обязанностями и фактическими возможностями их реализации [4]. В результате возникает институциональный дисбаланс: прокурор несет политико-правовую ответственность за качество уголовного преследования, но его влияние на ход доследственных и следственных действий нередко оказывается ограниченным рамками формальных согласований и утверждений.

Особенно остро проблемы статуса и деятельности прокурора проявляются на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. После выделения Следственного комитета и перераспределения полномочий по расследованию наиболее тяжких преступлений в доктрине неоднократно подчеркивается, что роль прокурора на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования претерпела трансформацию, причем далеко не всегда в пользу усиления гарантий прав личности [4], [7]. Т.А. Зотова, анализируя участие прокурора на стадии возбуждения уголовного дела, отмечает, что формальное закрепление его полномочий по рассмотрению материалов доследственной проверки и разрешению жалоб не всегда сопровождается реальной возможностью активно влиять на содержание проверочных действий и их полноту [7]. В практике это выражается в значительной зависимости прокурорских решений от представленных правоохранительными органами материалов, что создает риск подмены самостоятельной оценки прокурора оценкой следователя или дознавателя.

Сложность усугубляется тем, что участие прокурора в досудебных стадиях опосредовано множеством ведомственных актов, регламентирующих порядок согласования процессуальных решений, утверждения обвинительных заключений, направления дел в суд. В исследованиях Л.Г. Татьяниной обращается внимание на то, что виды деятельности прокурора в уголовном процессе России фактически фрагментированы по стадиям и институтам, что мешает выстраиванию целостной модели его участия [2]. На уровне закона

прокурор наделен широкими надзорными полномочиями, но их реализация во многом зависит от внутренних регламентов, установленных в системе прокуратуры, и от реального баланса сил между прокуратурой, следственными органами и судами.

Сравнительно-правовой анализ, проведенный К.А. Таболиной на материале зарубежных правовых порядков, показывает, что в ряде государств прокурор сохраняет более тесную связь с предварительным расследованием, вплоть до фактического руководства следствием либо принятия ключевых стратегических решений по делу [8]. Сопоставление этих моделей с российской практикой позволяет сделать вывод: отечественный законодатель, стремясь обеспечить самостоятельность следственных органов, не предложил столь же продуманного механизма взаимодействия прокурора со следствием. В результате прокурор нередко оказывается меж двух огней: он отвечает за законность и обоснованность обвинения, но вынужден опираться на уже сформированный массив доказательств, на который реально влияло иное ведомство.

Отдельное направление научной дискуссии связано с процессуальным положением прокурора как субъекта, обеспечивающего права предпринимателей в уголовном судопроизводстве. В.Н. Савченко справедливо акцентирует внимание на том, что предприниматель, вовлеченный в уголовный процесс, часто оказывается в уязвимом положении из-за экономических последствий следственных действий, блокировки счетов, ареста имущества и иных ограничений [9]. Прокурор при этом формально обладает полномочиями реагировать на нарушения закона, допущенные следствием или дознанием в отношении бизнеса, однако в реальности нередко фиксируется запоздалость таких реакций и ориентация на исход дела по существу, а не на своевременное устранение процессуальных нарушений. Это обнажает более общую проблему: прокурорский надзор на досудебных стадиях во многом ориентирован на итоговые результаты расследования, а не на оперативное обеспечение баланса интересов государства и личности.

Переходя к судебным стадиям, следует отметить, что роль прокурора как государственного обвинителя традиционно рассматривается через призму принципа состязательности сторон и равенства их процессуальных возможностей. Н.Ф. Нураева подчеркивает, что участие прокурора в производстве по уголовным делам следует понимать не только как институциональную гарантию реализации обвинительной функции, но и как важный элемент обеспечения состязательности: активная, но объективная позиция государственного обвинителя стимулирует и защиту, и суд к более тщательной проверке доказательств [6]. Вместе с тем критики отмечают, что в реальной практике позиция прокурора нередко приобретает резко обвинительный характер, ориентированный на

подтверждение обвинительного вывода, уже заложенного в утвержденном им обвинительном заключении.

Эта коллизия между требованием объективности и фактической связью прокурора с предшествующими решениями проявляется и в работах, посвященных анализу процессуального статуса прокурора как участника уголовного судопроизводства. С.Д. Ткаченко видит одну из ключевых проблем в том, что прокурор, выступая в суде от имени государства, несет двойную нагрузку: с одной стороны, он должен поддерживать обвинение, с другой — реагировать на любые нарушения прав участников процесса, даже если их выявление ставит под сомнение обоснованность ранее утвержденного обвинения [10]. В условиях высокой нагрузки и укоренившихся обвинительных установок такая двойственность приводит к тому, что прокурорская «объективность» нередко сводится к минимальному признанию отдельных недостатков следствия при общей ориентации на обвинительный приговор.

Важнейшим методологическим ориентиром для оценки деятельности прокурора выступает принцип законности. В.М. Харзинова, исследуя его реализацию в уголовном судопроизводстве, обращает внимание на то, что законность в прокурорской деятельности имеет не только формально-юридическое, но и ценностное измерение: речь идет о соотношении принимаемых решений с конституционными принципами, в том числе с приоритетом прав и свобод человека и гражданина [11]. При этом защищаемый прокурором «публичный интерес» не может подменять собой интерес конкретной личности; напротив, устойчивость публичного интереса в сфере уголовной юстиции во многом определяется тем, насколько последовательно обеспечиваются гарантии от необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

Реализация принципа законности осложняется внутренней организацией прокуратуры как централизованной системы с выраженным вертикальным подчинением. В научной литературе подчеркивается, что прокурор в суде, оставаясь процессуально независимым, одновременно находится в системе служебных отношений, предполагающих возможность дачи указаний и оценки его позиции по делу вышестоящим руководством [12], [13]. Это создает риск трансформации процессуальной позиции в производную от административных ориентиров, что особенно заметно в громких, социально значимых делах. В такой ситуации прокурор может испытывать давление не только со стороны общественного ожидания, но и в рамках ведомственной системы оценки его работы, где значительную роль играют количественные показатели (число направленных в суд дел, доля отмененных судебных решений и т. п.).

Особую проблематику представляет собой вопрос о том, в какой мере прокурор в современных условиях действительно является стороной в состязательном процессе, а в какой — органом надзора, стоящим над «спорами» между обвинением и защитой. В трудах Е.М. Пивневой и О.А. Трофимовой подчеркивается, что законодателю не удалось окончательно разрешить данный вопрос: формально прокурор выступает участником процесса, наделенным правами стороны обвинения, но вместе с тем на него возложены и функции по общему надзору за законностью действий других участников, включая суд [12], [15]. Такая двойственность статуса порождает неоднозначные практические последствия: с одной стороны, она позволяет прокурору вмешиваться при очевидных нарушениях прав личности, допущенных в ходе разбирательства; с другой — может восприниматься как выход за пределы состязательной роли, особенно если позиция прокурора фактически ориентирована на поддержку суда или следствия.

Нельзя обойти стороной и вопросы, связанные с качеством участия прокурора на стадии судебного разбирательства. Анализ судебной практики, предпринятый М.Э. Семененко и Т.С. Огай, показывает, что нередко прокурор ограничивается формальным поддержанием обвинения, не используя в полной мере возможности для активного участия в исследовании доказательств, заявлении ходатайств, связанных с необходимостью устранения противоречий и пробелов расследования [13], [14]. В то же время отмечаются примеры, когда прокуроры в судебном заседании отказываются от обвинения либо просят изменить квалификацию деяния в сторону смягчения, что свидетельствует о потенциале института государственного обвинения как механизма внутреннего контроля в системе уголовной юстиции.

Представляется, что одна из ключевых системных проблем деятельности прокурора в уголовном процессе заключается в несоответствии между декларируемой моделью его статуса и реальным распределением процессуальных рисков. В действующем регулировании прокурор одновременно отвечает за законность действий следствия, обоснованность обвинения и результат судебного разбирательства, при этом значительная часть доказательственной базы формируется без его непосредственного участия. Доктринальные концепции, предложенные Н.С. Мановой и другими авторами, ориентированы на поиск более стройной модели, в рамках которой прокурор либо получает более выраженные полномочия по руководству расследованием, либо, напротив, освобождается от обязанности утверждать обвинительные заключения по делам, где его реальное участие в формировании доказательств минимально [4], [5]. Баланс между этими полюсами остается не найденным, что поддерживает состояние «функционального дуализма» и неопределенности.

В такой ситуации особое значение приобретает вопрос о законодательной систематизации статуса прокурора. С.Д. Ткаченко справедливо указывает, что на сегодняшний день процессуальный статус прокурора «расщеплен» между нормами УПК РФ, Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и многочисленных ведомственных приказов [10]. Подобная фрагментация осложняет как восприятие роли прокурора другими участниками процесса, так и внутреннее самоопределение самой прокуратуры: то ли это орган общего надзора с отдельными полномочиями в уголовном судопроизводстве, то ли «полноценный» участник процесса, основной задачей которого является уголовное преследование.

Устранение обозначенных проблем, на наш взгляд, требует последовательного движения в нескольких взаимосвязанных направлениях. Во-первых, необходима концептуальная фиксация функции прокурора как публичного гаранта законности в уголовном судопроизводстве, при этом уголовное преследование должно рассматриваться не как самоцель, а как один из инструментов защиты охраняемых уголовным законом интересов. Подход, развитый в работах Сафиной, Авагимовой и других авторов, позволяет интерпретировать функции прокурора не как «обязанность любой ценой добиться обвинительного приговора», а как обязанность обеспечить правомерное и справедливое разрешение уголовно-правового конфликта [1], [3]. Во-вторых, следует структурировать его участие на досудебных стадиях: либо возвращая прокурору более широкие полномочия по руководству расследованием с соответствующей ответственностью, либо, напротив, выстраивая модель, в которой он фокусируется на оценке достаточности доказательственной базы и защите прав личности, не подменяя собой следственные органы.

В-третьих, требуется усиление процессуальных гарантий независимости прокурора в суде от ведомственных интересов. Это предполагает, в частности, пересмотр критериев оценки эффективности деятельности прокуроров с отказом от доминирования количественных показателей и акцентом на качестве поддержания обвинения, числе выявленных нарушений прав участников процесса, случаях отказа от обвинения при недостаточности доказательств. В-четвертых, необходимо последовательное развитие правозащитного компонента прокурорской деятельности в отношении наиболее уязвимых категорий участников процесса, включая предпринимателей и лиц, находящихся в состоянии социальной зависимости. Здесь важен не только надзор за соблюдением сроков расследования и содержания под стражей, но и оперативная реакция на злоупотребления, связанные с изъятием имущества, блокировкой счетов, вмешательством в хозяйственную деятельность [8], [9].

Наконец, нельзя игнорировать влияние цифровизации уголовного судопроизводства на деятельность прокурора. Расширение применения электронных средств фиксации доказательств, развитие цифровых баз данных, использование видеоконференц-связи создают новые возможности для оперативного контроля законности, но одновременно повышают риск «технологизации» прокурорской деятельности, когда решения принимаются по формальным шаблонам на основе электронных форм, а не в результате всестороннего анализа материалов дела. В этих условиях особое значение приобретает профессиональная подготовка прокуроров, их способность критически оценивать результаты следственных действий, проведенных с использованием новых технологий, и противостоять формальному подходу к доказыванию.

Заключение

Подводя итог, можно заключить, что проблемы деятельности прокурора в уголовном процессе Российской Федерации имеют комплексный характер и проявляются на всех стадиях судопроизводства: от возбуждения дела до исполнения приговора. Они связаны с дуализмом функций прокурора, фрагментацией его процессуального статуса, недостаточной определенностью роли на досудебных стадиях, противоречиями между требованием объективности и ориентированностью на обвинительный результат, а также с влиянием ведомственных интересов и цифровых трансформаций. Решение этих проблем требует не только точечной корректировки отдельных норм УПК РФ, но и выработки целостной концепции прокурорской деятельности в уголовном процессе, в которой приоритет будет отдаваться обеспечению прав и свобод личности, а также формированию справедливой и предсказуемой практики уголовного преследования. Именно в этом направлении представляется перспективным дальнейшее развитие научной дискуссии, к которой уже внесли существенный вклад исследователи, анализирующие функции, статус и модель деятельности прокурора в современных условиях.

Список литературы

1. Сафина А.Р. Функции прокурора в уголовном процессе / А.Р. Сафина // Вопросы науки и образования. 2017. № 10 (11). С. 120-123. EDN XFPXMD.
2. Татьяна Л.Г. Виды деятельности прокурора в уголовном процессе России / Л.Г. Татьяна // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 3 (7). С. 30-33.

3. Авагимова Ю.А. Функции прокурора в уголовном судопроизводстве / Ю.А. Авагимова // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 4 (15). С. 64-66.
4. Манова Н.С. Модель деятельности прокурора в уголовном процессе: ключевые проблемы и возможности реформы / Н.С. Манова // Правовая парадигма. 2022. Т. 21, № 2. С. 43-50.
5. Мурашкин И.Ю. Дуализм функций прокурора в современном уголовном процессе / И.Ю. Мурашкин // Криминалисть. 2022. № 3 (40). С. 92-97.
6. Нураева Н.Ф. Участие прокурора в производстве по уголовным делам как принцип обеспечения состязательности сторон / Н.Ф. Нураева // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2015. № 17. С. 277-282.
7. Зотова Т.А. Участие прокурора на стадии возбуждения уголовного дела / Т.А. Зотова // Вестник науки. 2024. №4 (73). С. 226 – 231.
8. Таболина К.А. Особенности уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве в зарубежных странах / К.А. Таболина // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 6 (55). С. 1076-1083.
9. Савченко В.Н. Процессуальное положение прокурора как субъекта обеспечения прав предпринимателей в уголовном судопроизводстве / В.Н. Савченко // Теория и практика общественного развития. 2023. № 12 (188). С. 391-395.
10. Ткаченко С.Д. Процессуальный статус прокурора как участника уголовного судопроизводства / С.Д. Ткаченко, А.В. Пивень // Eromen. Global. 2025. № 62. С. 225-230.
11. Харзинова В.М. Принцип законности в деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве / В.М. Харзинова, Д.А. Шхашемишева // Всероссийский научный журнал "Вопросы права". 2024. № 1. С. 44-48.
12. Пивнева Е.М. Прокурор в уголовном судопроизводстве и его процессуальный статус / Е.М. Пивнева, И.Л. Женихов, С.С. Кравченко // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 4 (80). С. 325-329.
13. Семененко М.Э. деятельность прокурора в судебном производстве / М.Э. Семененко // Право и управление. 2022. № 3. С. 67-76.
14. Огай Т.С. Правовые аспекты участия прокурора в судопроизводстве / Т.С. Огай // Вестник науки. 2023. Т. 4, № 12(69). С. 504-511.
15. Трофимова О.А. участие прокурора в уголовном судопроизводстве / О.А. Трофимова, И.Р. Тулякова // Форум молодых ученых. 2018. № 12-4 (28). С. 157-159.
16. Соболев А.А. Некоторые вопросы участия прокурора в уголовном процессе / А.А. Соболев, А.А. Подопротора // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 4-2 (103). С. 292-296.

PROBLEMS OF THE PROSECUTOR'S ACTIVITY IN THE CRIMINAL PROCESS OF THE RUSSIAN FEDERATION: MODEL, RISKS, DIRECTIONS OF REFORM

Begova Dinara Yakubovna

Candidate of Law,

Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Forensic Science, Law Institute,
Dagestan State University,
Makhachkala, Russian Federation

Saidov Gadzhi Saigidovich

Master's Student,

Law Institute,
Dagestan State University,
Makhachkala, Russian Federation

Annotation. The article examines the modern model of the prosecutor's participation in the criminal proceedings of the Russian Federation and identifies contradictions between the declared goals of the process and the actual distribution of procedural powers. Based on the analysis of scientific literature, criminal procedure legislation and practice of the prosecutor, the existence of a "functional dualism" of his status is substantiated, manifested in the combination of the functions of criminal prosecution, participation in evidence, supervision of legality and a kind of mediation between public and private interests. It is shown that fragmentation of powers, departmental regulation and redistribution of investigative functions lead to a blurring of the prosecutor's responsibility, especially at the stages of initiation of criminal proceedings and preliminary investigation, and also reduce the level of guarantees of the rights of individuals and entrepreneurs involved in the criminal process. The participation of the prosecutor in the judicial stages is analyzed from the point of view of the implementation of the principles of legality and competitiveness, as well as the influence of departmental guidelines on the formation of his procedural position. Special attention is paid to the impact of digitalization of criminal proceedings on the nature of prosecutorial activities. It is concluded that it is necessary to develop a holistic concept of the status and functions of the prosecutor as a public guarantor of legality, involving structuring his participation in pre-trial proceedings, strengthening procedural independence in court and developing human rights potential in relation to the most vulnerable categories of participants in the process.

Keywords: prosecutor; criminal proceedings; prosecutor's functions; procedural status; state prosecution; pre-trial proceedings; prosecutorial supervision; public interest; entrepreneurs' rights; digitalization of the criminal process.

References

1. Safina A.R. Functions of the prosecutor in criminal proceedings / A.R. Safina // Issues of science and education. 2017. No. 10 (11). Pp. 120-123. EDN XFPXMD.
2. Tatyana L.G. Types of activities of the prosecutor in criminal proceedings in Russia / L.G. Tatyana // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 3 (7). Pp. 30-33.
3. Avagimova Yu.A. Functions of the prosecutor in criminal proceedings / Yu.A. Avagimova // Law and order: history, theory, practice. 2017. No. 4 (15). Pp. 64-66.
4. Manova N.S. The Model of the Prosecutor's Activity in Criminal Procedure: Key Problems and Possibilities of Reform / N.S. Manova // Legal Paradigm. 2022. Vol. 21, No. 2. Pp. 43-50.
5. Murashkin I.Yu. Dualism of the Prosecutor's Functions in Modern Criminal Procedure / I.Yu. Murashkin // Criminalist. 2022. No. 3 (40). Pp. 92-97.

6. N.F. Nuraeva. Participation of the Prosecutor in Criminal Proceedings as a Principle of Ensuring the Adversarial Nature of the Parties / N.F. Nuraeva // *A New Word in Science and Practice: Hypotheses and Testing of Research Results*. 2015. No. 17. Pp. 277-282.
7. T.A. Zolotova. Participation of the Prosecutor at the Stage of Initiation of a Criminal Case / T.A. Zolotova // *Science Herald*. 2024. No. 4 (73). Pp. 226 – 231.
8. Tabolina K. A. Features of the criminal-procedural activities of the prosecutor in pre-trial proceedings in foreign countries / K. A. Tabolina // *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2015. No. 6 (55). Pp. 1076-1083.
9. Savchenko V. N. Procedural position of the prosecutor as a subject of ensuring the rights of entrepreneurs in criminal proceedings / V. N. Savchenko // *Theory and practice of social development*. 2023. No. 12 (188). Pp. 391-395.
10. Tkachenko S. D. Procedural status of the prosecutor as a participant in criminal proceedings / S. D. Tkachenko, A. V. Piven // *Epomen. Global*. 2025. No. 62. Pp. 225-230.
11. Kharzinova V.M. The principle of legality in the activities of the prosecutor in criminal proceedings / V.M. Kharzinova, D.A. Shkhashemisheva // *All-Russian scientific journal "Questions of Law"*. 2024. No. 1. Pp. 44-48.
12. Pivneva E.M. The prosecutor in criminal proceedings and his procedural status / E.M. Pivneva, I.L. Zhenikhov, S.S. Kravchenko // *Scythian. Issues of student science*. 2023. No. 4 (80). Pp. 325-329.
13. Semenenko M.E. Activities of the prosecutor in judicial proceedings / M.E. Semenenko // *Law and Management*. 2022. No. 3. Pp. 67-76.
14. Ogay TS Legal aspects of the prosecutor's participation in legal proceedings / TS Ogay // *Bulletin of science*. 2023. Vol. 4, No. 12 (69). Pp. 504-511.
15. Trofimova OA Participation of the prosecutor in criminal proceedings / OA Trofimova, IR Tulyakova // *Forum of young scientists*. 2018. No. 12-4 (28). Pp. 157-159.
16. Sobol AA Some issues of prosecutor's participation in criminal proceedings / AA Sobol, AA Podoprigora // *International journal of humanitarian and natural sciences*. 2025. No. 4-2 (103). Pp. 292-296.